

II. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Т. В. Андреева

М. М. СПЕРАНСКИЙ И ДЕКАБРИСТЫ*

Истории связей декабристов с государственными деятелями александровского царствования посвящено несколько работ,¹ в том числе статья и монография А. В. Семеновой «Временное революционное правительство в планах декабристов».² В монографии высказывается предположение, что Сперанский «в какой-то мере знал о существовании тайного общества», своей роли в планах декабристов и, возможно, имел с ними конспиративные политические связи. Поэтому 14 декабря 1825 г. он «вел тонкую игру» и выжидал, чем закончится «дело». По повелению Николая I, было проведено тайное секретное расследование, которое сам же император, убежденный в виновности Сперанского, «в силу собственных интересов» прервал.³ Однако, думается, не все было так однозначно.

В контексте данной проблемы возникает несколько вопросов, ответы на которые, возможно, дадут несколько иное представление об отношении декабристов к реформатору и Сперанского к тайному декабристскому обществу.

1) Почему в качестве кандидата во Временное правительство был избран именно Сперанский?

2) На чем основывали декабристы надежды на поддержку Сперанским своих преобразовательных планов, существовало ли реальное сходство их реформаторских программ?

3) На каком этапе эволюции декабризма возникла идея создания Временного революционного правительства и менялась ли ее содержание?

4) Знал ли Сперанский о существовании тайного декабристского общества, его политических целях и способах их достижения?

5) В чем причина снисходительности Николая I по отношению к Сперанскому?

Почему именно Сперанский? Как справедливо отмечает А. В. Семенова, зарождение интереса будущих декабристов к фигуре Сперанского относится к ранней весне 1812 г., когда они стали свидетелями борьбы правительственных группировок, завершившейся его отставкой.⁴ В центре этой борьбы было стремление различных политических сил влиять на процесс формирования официального курса. При этом консервативно

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («После декабристов: власть, общество, реформы»), проект № 06-01-00103а.

настроенная «патриотическая партия» во главе с Ф. В. Ростопчиным и Н. М. Карамзиным для усиления «натиска» на Александра I и устранения Сперанского использовала негативное отношение к нему дворянского общества. Ведь, по мнению большинства консервативного дворянства, Сперанский являлся не только виновником «всеобщего расстройств в государстве вследствие учреждения министерств», «вдохновителем» «позорного» Тильзитского мира, создателем ненавистных указов от 3 апреля и 6 августа 1809 г., но и «изменником родины», предавшим интересы России в угоду Франции.⁵ Кроме этого, еще в ноябре–декабре 1809 г. при дворе и в обществе ходило много толков о «Плане Всеобщего государственного образования», авторство которого приписывали единолично Сперанскому. «План...» рассматривали как реформу главным образом Государственного совета, видели в нем введение широкого представительства и покушение на избранность и корпоративность дворянского сословия. Об этих слухах доносили Александру I, вначале не придававшему им никакого значения. Так, когда князь А. А. Чарторыйский попытался обратить внимание государя на опасность неправильных интерпретаций предполагаемых преобразований, Александр Павлович, смеясь, сказал: «Есть много людей, которые, не отдавая себе отчета в значении слов, воображают, что будущее устройство Совета есть народное представительство, как будто может быть народное представительство, избранное не странюю и зависимое от короны».⁶

Однако в начале 1812 г., в обстановке внешнеполитического кризиса и реальной угрозы войны с Наполеоном, Александр I все же счел наиболее целесообразным приостановить реформаторский процесс и убрать на время с государственного поприща его главного деятеля. Надо думать, император принял трудное для себя решение об отставке Сперанского и ссылке в Нижний Новгород, а затем в Пермь, стремясь сохранить его для России и уберечь от еще более тяжких обвинений и испытаний. После Отечественной войны и заграничных походов при первой же возможности царь возвратил Сперанского на государственную службу: 30 августа 1816 г. он стал пензенским гражданским губернатором, 22 марта 1819 г. был назначен на высший в Сибири пост сибирского генерал-губернатора, а 22 марта 1821 г. после девятилетнего отсутствия возвращен в Петербург.

Искупительной жертвой Александра I в «угождение тогдашнему общественному мнению»,⁷ считали опалу Сперанского и будущие декабристы. В своих дневниках, автобиографических записках и сочинениях И. Д. Якушкин, В. Ф. Раевский, В. И. Штейнгейль, М. А. Фонвизин, А. В. Поджио, П. Н. Свистунов, М. С. Лунин указывали, что именно доверие императора и подготавливаемые преобразования явились главными причинами его отставки и ссылки.⁸ Эти события встревожили и взволновали их, как и всех передовых современников, ожидавших «обновления, улучшений» в системе государственного управления и экономике. С. Г. Волконский был даже непосредственным свидетелем последней аудиенции Сперанского у Александра I 17 марта 1812 г. В этот день он дежурил в Зимнем дворце и описал этот эпизод в своих записках. По его словам, «удаление... и ссылку» Сперанского в большей степени приписывали «замыслам изменить образ правления из деспотического в демократическое начало».⁹ Так, образ «тираноборца», пострадавшего за свои взгляды и государственную деятельность, вероятно, остался в памяти будущих руководителей и членов Союза благоденствия, когда возникла идея о создании Временного правительства.

Кроме этого, анализ эпистолярной, мемуарной наследия и сочинений декабристов позволяет сделать вывод, что основной труд Сперанского «Введение к Уложению

государственных законов», в котором изложен упомянутый выше «План...», а также некоторые записки 1802–1804 гг. были известны членам тайных обществ. Еще в доопальное время проекты Сперанского имели широкое обращение в столичных кругах. С эпохи Союза спасения они стали распространяться и среди будущих декабристов, как справедливо отмечает А. В. Семенова, через Н. И. Тургенева. В 1816 г. в качестве помощника статс-секретаря он принял из кабинета Сперанского его рукописи, и прежде всего «Введение...».¹⁰ Позже в своих сочинениях М. С. Лунин и Н. И. Тургенев продемонстрировали осведомленность о главных идеях труда, а М. А. Фонвизин весьма обильно цитировал не только его, но и знаменитое пермское письмо Сперанского Александру I.¹¹ Это свидетельствует о том, что данные документы ходили в декабристской среде в списках. Самого Сперанского декабристы характеризовали как «умного и достойного советника» императора, а «План...» 1809 г. как «проект конституционной хартии для России, написанной им по воле и мысли Александра». Именно «План...», по их мнению, являлся негласным доказательством «свободолюбивого направления» первой половины александровского царствования, а его «официальным» подтверждением — варшавская речь императора 15 марта 1818 г.¹² Таким образом, декабристы не приписывали Сперанскому единоличное авторство «Плана...», прекрасно осознавая, что инициатива в формировании идеологии реформаторской программы принадлежала Александру I.¹³ Тем не менее они надеялись, что Сперанский поддержит их преобразовательные мероприятия — уничтожение абсолютизма и отмену крепостного права.

Важными основаниями для этих надежд были — благоприятная информация о его деятельности во время ссылки и личные связи с будущими декабристами после возвращения в столицу. Борьба Сперанского в годы генерал-губернаторства Сибири с коррупцией сибирского чиновничества, ревизия дел и подготовка реформы административного управления края¹⁴ вызывали положительную оценку не только его ближайших сотрудников — будущих членов декабристской организации, но и «старых» деятелей движения.¹⁵ Особняком в этом ряду стоит П. И. Пестель, имевший личную неприязнь к Сперанскому. Ведь после ревизии Сибири, выявившей огромные размеры злоупотреблений, именно Сперанский был назначен на место И. Б. Пестеля, обвиненного ревизором в коррупции. Почти сразу в Петербург и по Петербургу, при дворе поползли слухи, уничтожавшие Ивана Борисовича как человека и администратора. Обида за отца, негодование на его оппонента стали основой пестелевской ненависти к Сперанскому.¹⁶

Однако отношение к Сперанскому большинства членов тайных обществ, с которыми он после возвращения в Петербург весной 1821 г. поддерживал светские, служебные, финансовые связи, было весьма благожелательным. Прежде всего это контакты с Д. И. Завалишиным и особенно с К. Ф. Рылеевым по акционерной Российско-американской компании, которые, по словам генерала Д. А. Кропотова, «выходили из разряда официальных».¹⁷ Весьма тесными были и служебные связи с Н. И. Тургеневым до его отъезда в 1824 г. за границу. Являясь сотрудником Сперанского во второй Комиссии составления законов и помощником статс-секретаря в Государственном совете, Тургенев виделся с ним почти ежедневно и был знаком с его взглядами на пути развития России. Сблизился Сперанский и с отставным генералом, обер-прокурором 1 отделения Сената и членом Сибирского комитета С. Г. Краснокутским.

Самым же близким человеком для Сперанского среди будущих декабристов, безусловно, был Г. С. Батеньков. Будучи с 1819 г. ближайшим помощником сибирского

генерал-губернатора, сопровождая его во время ревизии края и работая над сибирской реформой, он находился с ним в постоянном контакте и, как сам признавался, «любил его душою». ¹⁸ Судя по письмам Батенькова к друзьям, их взаимоотношения носили в большей степени приватный, человеческий, чем служебный характер: «Я торчу при Сперанском в качестве таком, какого и сам не знаю. Называюсь инженером, находящимся при нем по особым поручениям, но ничего не делаю инженерного. План преобразования сибирского управления во всех почти частях и даже мало-мальски соседственная политика — вот что занимает меня под руководством сего истинно великого человека. Он привык уже ко мне и ко всем моим странностям, так что я вовсе не прячусь, не кривляюсь, не жеманюсь и отношусь прямо, как человек к человеку». ¹⁹ Поэтому неудивительно, что после возвращения из Сибири в Петербург в 1821 г. Батеньков поселился в доме Сперанского на Невском 42, по его протекции получил место правителя дел Сибирского комитета и считал его семью своей. ²⁰ Позже во время ссылки он переписывался с дочерью Сперанского Е. М. Фроловой-Багреевой. Узнав из ее письма о смерти Михаила Михайловича только через несколько лет, он тяжело переживал эту «великую потерю», постоянно возил с собой его портрет и даже в 1856 г., уже после амнистии, в письме Н. Д. Свербееву называл Сперанского своим «вторым отцом». ²¹ В начале же 1820-х гг. дом Сперанского около Армянской церкви кроме Батенькова посещали Н. А. Бестужев, В. И. Штейнгейль, Ф. Н. Глинка, А. О. Корнилович. Был знаком со Сперанским и С. П. Трубецкой. ²²

Безусловно, будущих декабристов привлекала реформаторская направленность политического мировоззрения Сперанского. Но существовало ли реальное сходство их преобразовательных программ? Следует признать, оно присутствовало и касалось приоритетности кардинальных преобразований. На первое место как Сперанским, так и идеологами движения была выдвинута реформа политическая, а социальные изменения, носившие, по их мнению, подчиненный характер, отодвинуты на второй план (исключая Н. И. Тургенева, в концепции которого все политические вопросы оказались подчиненными идее освобождения крестьян). ²³ Однако ее стратегические цели в программах Сперанского и тайного декабристского общества на протяжении всей его истории были различны.

Еще В. В. Леонтович призывал «не переоценивать радикализм Сперанского до 1812 года». ²⁴ Современные философские, правоведческие и исторические исследования подтверждают, что его политический либерализм, нашедший отражение во «Введении...» и примыкающих к нему проектах, которые составляли «План Всеобщего государственного образования» 1809 г., носил весьма ограниченный характер. ²⁵ Прежде всего это было связано с тем, что Сперанский воплощал на бумаге идеи самого Александра I. Ведь сегодня не вызывает сомнения, что «План...» принадлежал двум авторам — Александру I и Сперанскому. ²⁶ Проанализировав государственное устройство стран, «имеющих истинную монархическую конституцию» в соотношении с Россией, они пришли к выводу, что в стране не созрели еще социально-экономические и политические условия для ограничения властных полномочий абсолютного монарха. Авторы полагали, что на данном историческом этапе следует идти по пути установления такого «образа правления», который должен быть только приближен к западному образцу: «Он (т. е. образ правления. — Т. А.) должен быть весь расположен на настоящей самодержавной конституции государства, без раздела власти законодательной от

власти исполнительной».²⁷ Таким образом, стратегическая цель «Плана...» состояла в том, чтобы создать условия для перехода от традиционного самодержавия к более прогрессивной и стабильной форме правления — рационально и четко организованной «законной» абсолютистской или «смешанной» монархии, при которой власть государя ограничена законодательными установлениями. Необходимость правового обеспечения абсолютизма Нового времени требовала, чтобы «Российская империя как государство нераздельное, монархическое» управлялась «державною властью» по «коренным государственным законам, то есть конституции». Под конституцией авторы понимали «права верховной власти..., права подданных, образ составления законов», а также «устройство тех высших государственных учреждений, коими закон составляется и исполняется», т. е. систему законодательных норм, установленных монархом и закрепляющих единые правовые принципы регламентации общественной жизни и деятельности органов государственного управления.²⁸ Итак, речь действительно шла о «конституционной хартии для России», но абсолютистского толка.

При этом «коренной» политической реформе, как считали Александр I и Сперанский, должен предшествовать подготовительный этап, в ходе которого следовало создать законосовещательные и в определенной мере сословно-представительные органы. Модернизация существующего государственного строя предполагала усовершенствование и унификацию прежде всего высшего управления и приспособление его к новым историческим условиям. Это достигалось созданием высшего законосовещательного органа при императоре, четким разграничением функций центральных учреждений и ответственностью их перед законом, определением места старого государственного органа — Сената — в системе управления. Конкретный же порядок выполнения «Плана» предусматривал создание Государственного совета и Государственной думы, преобразование Сената и министерств.

Как известно, большая часть «Плана...», т. е. намеченные преобразования государственного управления были выполнены. За рамками его реализации оказалась лишь Государственная дума. Сами авторы очень скоро осознали, что в России отсутствовали элементы гражданского общества и не сформировался «средний класс», который мог бы стать необходимой основой системы представительства. Сохранявшееся крепостничество, время для уничтожения которого, как считали Александр I и Сперанский, еще не пришло, тесно связанное со всеми «частями государственного тела», также являлось преградой на пути реального представительства. Однако сама постановка вопроса об учреждении, сочетающем в себе его элементы с авторитаризмом, для авторов «Плана...» была чрезвычайно важна. По их мнению, в данный исторический момент в России следовало установить образ правления, содержащий в себе «разные постановления, которые, постепенно раскрываясь, приготавливали бы истинное монархическое правление и приспособляли бы к нему дух народный».²⁹

Что же касается крестьянского вопроса, то в ранних проектах 1802–1804 гг. и во «Введении...» Сперанский, будучи искренним противником крепостного права, считал, что при его решении нужны последовательность и постепенность. В 1818 г., прочитав варшавскую речь Александра I в газетах и увидев, что все поместное дворянство восприняло ее как угрозу возможности освобождения крепостных крестьян, он писал из Пензы А. А. Столыпину: «Опасность не в существе дела, ибо нельзя себе представить (хотя и представляют многие), чтоб правительство пустило на отвагу дело столь важное

и не приуготовило бы все пути его установлениями постепенными и твердыми, без колебания и торопливости».³⁰ Программа Сперанского, как и Александра I в последний период его царствования, а также Николая I в начале его правления, заключалась в постепенном смягчении крепостнических отношений путем паллиативных мер и поэтапного приближения крестьян, сначала государственных, а затем помещичьих к свободному податному сословию.

Таким образом, не только стратегия, но и тактика преобразовательных планов тайных обществ после 1821 г. отличались от правительственных реформаторских поисков 1802–1810 гг., отражением которых было творчество Сперанского. При этом, если политическая и социальная программы руководства Северного и Южного обществ были направлены на единовременное и форсированное уничтожение абсолютизма и крепостного права путем «военной революции», то «План...» 1809 г. предусматривал только переход к абсолютной «законной» монархии, законодательное регулирование крестьянских повинностей и отмену крайних форм личного рабства постепенными преобразованиями, производимыми сверху.³¹

Сама же идея создания Временного правительства была сформулирована еще в Союзе благоденствия в 1820 г. Этот период в истории декабризма характеризуется стремлением к диалогу с властью и обществом, к социальному расширению и политическому усилению Союза. Руководители видели в нем не тайное общество, подготавливавшее государственный переворот, а политическую организацию, деятельность которой должна протекать параллельно с правительственной. Главными задачами были поставлены, с одной стороны, навязывание верховной власти проведения реформ, а с другой — проникновение во все слои общества. Серьезные надежды возлагались на продвижение по службе своих членов и единомышленников, а также привлечение на свою сторону лиц, находящихся на высоких гражданских и военных постах.³² Поэтому постановка проблемы Временного правительства была вполне логична и вписывалась в явную и тайную цели Союза благоденствия, нашедшие отражение в первой и второй частях «Зеленой книги».³³

После 1821 г. проблема Временного правительства решалась уже по-разному на Севере и Юге. Пестель видел в правительстве, которое, по его мнению, должно было состоять только из членов тайного общества, орудие диктатуры для установления в России республики. В Обществе Московского съезда, т. е. в «Восстановленном Союзе благоденствия», а позже в Северном обществе господствующей была идея созыва после переворота «представителей России от всех свободных сословий», т. е. Великого собора, для определения «будущей ее судьбы и образа правления». Это влекло за собой иной взгляд на функции Временного правительства и его состав. «Первым его действием» определялся созыв в кратчайшие сроки Собора, а главной обязанностью — руководство жизнью страны, «пока съедутся делегаты». В состав правительства предполагалось включить наряду с членами общества и авторитетных государственных деятелей, имевших репутацию передовых людей своего времени.³⁴

Первое упоминание в Северном обществе имени Сперанского в этой связи, согласно следственным показаниям К. Ф. Рыльева, относится к началу 1821 г. По его словам, когда при разговоре о созыве Великого собора встал вопрос о Временном правительстве, то Трубецкой предложил в его состав «М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова», как «людей уже известных всей России».³⁵ Действительно, после возвращения

в Петербург Сперанский стал весьма популярен. Об этом свидетельствует его переписка за 1821–1825 гг., отложившаяся в личном фонде в ОР РНБ. Ее участниками являлись как видные государственные деятели этой эпохи — министры иностранных и внутренних дел К. В. Нессельроде и В. П. Кочубей, юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский, государственный секретарь А. Н. Оленин, президент Академии художеств С. С. Уваров, иркутский губернатор И. Б. Цейдлер, которые чаще всего консультировались со Сперанским по различным правовым вопросам, — так и провинциальные помещики, чиновники, офицеры, обращавшиеся к нему с просьбой об устройстве на службу, с ходатайствами об определении на учебу детей, даже с личными вопросами.³⁶ Вполне объективной в этой связи представляется характеристика, данная Сперанскому в 1827 г. руководителями III Отделения А. Х. Бенкендорфом и М. Я. фон Фоком: «На г. Сперанского надо смотреть как на опору всех умных и даровитых людей среднего класса (например, литераторов, купцов и средних чиновников). Он доступен, популярен, по-видимому, вполне предан Его Величеству государю императору и существующему строю, поддержанию которого он посвящает все свои силы. Он не общителен, но, тем не менее, его влияние на общественное мнение очень благотворно».³⁷

Возвращаясь к проблеме Временного правительства, следует сказать, что окончательное решение она получила в программном документе декабризма — проекте «Манифеста к русскому народу». К работе над проектом «Манифеста» были привлечены К. Ф. Рылеев, Н. А. Бестужев, И. И. Пущин, С. П. Трубецкой, В. И. Штейнгель, Г. С. Батеньков,³⁸ которые, вероятно, в разное время написали несколько его вариантов. Как известно, сохранился только один вариант в виде чернового наброска, найденного 15 декабря 1825 г. при обыске в кабинете Трубецкого. Именно этот набросок фигурировал в ходе следствия и был опубликован в первом томе «Восстания декабристов».³⁹

В данном документе от имени Сената объявлялось «уничтожение бывшего правления», т. е. абсолютизма, и учреждение «Временного правления из 2-х или 3-х лиц», которое «подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армию, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судную». Его деятельность осуществлялась только «до установления постоянного» правительства «выборными». «Временное правление» должно было произвести немедленную отмену крепостного права, а также осуществить ряд реформ — военную, судебную, административную, ввести равенство всех сословий перед законом, гражданские свободы, уничтожить цензуру.⁴⁰

Между тем, согласно прибавлениям к запискам Трубецкого, написанным уже в 1840-е гг., срок деятельности «Временного правления» заканчивался не избранием постоянного правительства «выборными», а утверждением «нового императора общим собранием выборных людей». При этом именно Временное правительство должно было составить проект конституции, т. е. «проект Государственного уложения», «главными пунктами» которого определялись — «учреждение представительного правления по образцу просвещенных европейских государств и освобождение крестьян от крепостной зависимости».⁴¹ В этой связи следует отметить два важных момента. Во-первых, сохранение в России монархической формы правления и, во-вторых, более широкий характер политических полномочий Временного правительства предоставлением

ему права создания конституции, которая, как и в работах Сперанского, названа «Государственным уложением».

Можно предположить, что эти отличия от варианта проекта «Манифеста», найденного в кабинете Трубецкого, были связаны с различным авторством и временем написания документа. Надо думать, более радикальный вариант был написан Рылеевым при содействии Бестужева и Пушина ранее ноября–декабря 1825 г., а более либеральный, создание которого было обусловлено династическим кризисом, — Штейнгелем при посредстве Трубецкого и Батенькова до 9–10 декабря 1825 г. Тот факт, что именно первый вариант был найден в доме Трубецкого при обыске, не становится определяющим, поскольку последний мог просто скопировать его для себя. Важнее другое — оба варианта отражали «победу» северян в вопросе о Временном правительстве. В этой ситуации основной тактической установкой Северного общества становилось укрепление политического авторитета правительства включением в его состав людей, которых, как писал один из участников восстания А. П. Беляев, «уважало общественное мнение». ⁴² Поэтому логично, что общество в состав «Временного правления», по словам Трубецкого, «намеревалось предложить Мордвинова, Сперанского и Ермолова». ⁴³

В канун 14 декабря состав правительства был уже четко определен. В него должны были войти члены Государственного совета Сперанский и Мордвинов, находившиеся на тот момент в Петербурге, а в качестве помощника от общества назначался Батеньков. То, что взгляды всех трех кандидатов сильно отличались от намеченных революционных мероприятий «Манифеста» Рылеева, т. е. форсированного и единовременного уничтожения абсолютизма и крепостного права, а потому не гарантировали их осуществления, ⁴⁴ вероятно, не меняло сути дела. Для декабристов вопрос о «Временном правлении» в большей степени носил тактический, чем стратегический характер. Кроме этого, вращаясь в основном только в своем организационном и возрастном кругу, они слабо чувствовали настроения как умудренных государственным и жизненным опытом советников, так и в целом дворянского общества. ⁴⁵ Ведь, несмотря на тяжелую социально-экономическую ситуацию, доминирующим было общее убеждение, что единственной силой, способной рационально преобразовать государственное управление, стать гарантией стабильности и соблюдения интересов всего народа, а также «регулятором» сословных отношений, является власть просвещенного абсолютного монарха.

Хотя расчет на Сперанского был только тактический, он являлся важнейшей составной частью планов руководства Северного общества. «Надежды на успех основывали они, — писал А. Д. Боровков, — на содействии членов Государственного совета графа Мордвинова, Сперанского и Киселева...». ⁴⁶ Дело было не только в том, что их позиция в случае победы восстания сыграла бы определяющую роль в Государственном совете и Сенате, ⁴⁷ но и в бюрократическом опыте Сперанского. З. Г. Чернышев в своих показаниях утверждал, что Сперанский прежде всего рассматривался «как имеющий государственный опыт чиновник, необходимый для приведения в совершенный порядок и исполнения всего, обществом предпринятого». ⁴⁸ Подогревая друг друга его именем — «Сперанский принимает участие в обществе», «Сперанский наш», «Он наш, мы на него действуем через Батенькова», «Сперанский не откажется занять место во Временном правлении» ⁴⁹ — что, вероятно, придавало им большей устойчивости

и уверенности в себе, руководители Северного общества со второй декады декабря готовили государственный переворот.

Знал ли Сперанский о существовании тайного декабристского общества и той роли, которая отводилась ему в планах северян? Сами декабристы в своих мемуарах и сочинениях не раз высказывались не только об его осведомленности о существовании общества, но и планах переворота. Но, думается, это было связано с необходимостью продемонстрировать, что Север якобы имел такое влияние на правительственные сферы, что члены Государственного совета были связаны с ним. Так, Штейнгейль в своих записках указывал, что будто бы Сперанский, смотревший на события 14 декабря из Зимнего дворца (откуда вряд ли можно было что-то увидеть⁵⁰), сказал стоявшему рядом с ним Краснокутскому (который вряд ли мог стоять рядом с ним, поскольку как обер-прокурор присягал в Сенате): «И эта штука не удалась!». «Обстоятельство это, сколь ни малозначащее, — продолжал Штейнгейль, — раскрывает, однако ж, тогдашнее расположение духа Сперанского. Оно и не могло быть инаково: с одной стороны, воспоминание претерпенного невинно, с другой — недоверие к будущему».⁵¹

Согласно «Запискам» Д. И. Завалишина, Сперанский мог иметь сведения о существовании и целях «либеральной партии» до 1825 г., но совершенно точно знал «о предстоящем перевороте... в самый день 14 декабря». Ссылаясь на рассказ А. О. Корниловича, услышанный им, вероятно, только в 1827 г., он указывал, что рано утром 14 декабря до начала «движения» Александр Осипович был послан к Сперанскому, чтобы «объявить ему о предстоящем перевороте и испросить его согласие на назначение его в число членов регентства». И будто бы Сперанский ответил ему: «С ума вы сошли..., разве делают такие предположения преждевременно? Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне».⁵²

Последняя фраза представляется апокрифом, поскольку, по свидетельству большинства современников, после опалы Сперанский был весьма осторожен и вряд ли мог позволить себе столь рискованную откровенность. В целом же, как и многие современники, в атмосфере вакуума власти и ожидания перемен в период междоусобия он мог связывать свои надежды на стабилизацию социально-политической ситуации в стране с тайным обществом. Тем более что, по мнению Завалишина, достоверность рассказа Корниловича основана на историческом опыте, когда в периоды дворцовых переворотов в Петербурге «все самые значительные люди» «легко подчинялись... всякому перевороту».⁵³

Кроме приведенных свидетельств, осведомленность Сперанского о «существовании тайного общества и сокровенной его цели» зафиксирована в сочинении М. А. Фонвизина,⁵⁴ не являвшего членом Северного общества, не участвовавшего в подготовке выступления и событиях на Сенатской площади, а также в воспоминаниях генерал-майора Д. А. Кропотова.⁵⁵ Поскольку это были люди, далеко стоящие от Сперанского, то следует признать факт широкого распространения в декабристской среде и обществе версии, что он знал о конспирации.

Опосредованно информированность Сперанского о тайном декабристском обществе подтверждается двумя автографами его подписки 1822 и 1826 гг. о непринадлежности к тайным обществам. Отложившиеся в личном фонде реформатора, они даны Сперанским по одной из двух предложенных форм. Одна форма предназначалась для тех, кто «к каким-нибудь ломам или обществам принадлежали» и потому должны были указать

их название и место бытования, а другая — для тех, кто никогда не был членом никаких конспиративных организаций и потому должен был только расписаться в этом, указав свое имя, фамилию, чин. Сперанский дал обе подписки по второй форме. В первой подписке от 11 сентября 1822 г. он объявлял, что «ни в какую учрежденную Массонскую ложу, Думу, Управу и, словом, ни в какое тайное общество никогда принят не был, не посещал, не знал и никакие сношения с ними не имею». Прежде всего ложью было отрицание вхождения в масонскую ложу. Но более всего поражает употребление Сперанским слов «Дума» и «Управа», что свидетельствовало об его осведомленности о структурной системе тайного декабристского общества. Вторая подписка относится к 8 июня 1826 г. В ней Сперанский, подтверждая свою непричастность к любым видам конспирации, указывал, что не принадлежит «ныне», а главное и впредь обязывался «ни к какой Массонской ложе и ни какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ея» «не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь».⁵⁶

Реально же о деятельности декабристской конспирации и своей роли в планах ее руководителей Сперанский мог узнать только от Батенькова. Однако Гавриил Степанович вернулся в Петербург ранней весной 1821 г. и только догадывался о существовании какого-то тайного союза, к участию в котором его приглашал В. Ф. Раевский.⁵⁷ Да и со Сперанским Батеньков, по его собственным словам, в течение 1821–1822 гг. виделся редко.⁵⁸

Первые контакты Батенькова с людьми, связанными с Северным обществом, относятся к январю 1825 г. Во время своего пребывания в отпуске в Москве он познакомился с одним из директоров Российско-американской компании И. В. Прокофьевым, на приеме у которого велись разговоры о тяжелом положении страны.⁵⁹ Знакомство с Прокофьевым, который в Петербурге жил на Мойке в одном доме вместе с Рылеевым и другими служащими компании, способствовало сближению Батенькова с членами тайного общества. Он стал часто бывать в квартире Рылеева, где собирались братья Бестужевы, приезжавший часто из Москвы Штейнгейль. Однако поначалу члены общества не говорили при Батенькове о своей организации, ее названии, целях, а вели лишь общие разговоры «про правительство», демонстрировали свое «негодование на оное», использовали «остроты, сарказмы».⁶⁰

Лишь в сентябре–октябре 1825 г. Батеньков был принят Рылеевым и А. А. Бестужевым в Северное общество. Но еще «в январе 1825 года», по его собственным словам на следствии, «пришла мне в первый раз мысль, что поелику революция, в самом деле, может быть полезна и весьма вероятна, то непременно мне должно в ней участвовать и быть лицом историческим».⁶¹ Однако Россия «вследствие ее географического положения» не представляла «никакой удобности к восстанию», что заставило Батенькова обратиться к анализу деятельности тайных обществ. «Это ужасное средство атаки на правительства и что они не изобрели еще против сих мин достаточных средств», — писал он и пришел к выводу о необходимости создания «контрмин», которые «могут состоять только в таковых же обществах». Им был разработан «план атакующего общества», которое должно было иметь следующие функции: «деловую», «ученую», «служебную». Любопытна четвертая функция: привлечение фанатиков, «более для того, что лучше их иметь с собою, нежели против себя».⁶²

Как справедливо отмечает биограф Батенькова А. А. Брегман, эти его показания Следственной комиссии до сих пор по-разному интерпретируются исследователями. По

мнению же самого биографа, Гавриил Степанович предлагал повторить уже пройденный декабристским обществом этап его развития в виде создания тайной организации, схожей по целям и тактике с Союзом благоденствия.⁶³ В самом деле, функции «атакующего общества» очень схожи с «отраслями» деятельности Союза, описанными во второй части «Зеленой книги». Думается, Батеньков, не зная истории декабристской конспирации, предлагал создать общество, которое должно было действовать параллельно с властью, воздействовать на нее в целях усиления правительственных преобразовательных инициатив, а также дезавуировать деятельность других тайных союзов. Таким образом, оставаясь истинным учеником Сперанского, он верил в реформаторский потенциал монархической власти и пытался убедить своих новых друзей в возможности добиться «всеобщего благоденствия» путем усовершенствования законов и с помощью «бескровной революции» сверху, говоря, что «горсть солдат все разрушить может». Так же, как и его учитель, Батеньков считал, что фундаментальной политической реформе должно предшествовать формирование системы общественного строя. В своих следственных показаниях он подчеркивал: «Я неоднократно говорил Трубецкому и Рылееву, что в России утверждение гражданского порядка несравненно настоятельнее, нежели политического, что у нас еще нет уездных судей, исправников и прочее».⁶⁴

Умеренность политического мировоззрения Батенькова⁶⁵ дает основание предположить, что он мог участвовать в составлении именно либерального варианта проекта «Манифеста русскому народу». Как уже отмечалось, согласно этому варианту, деятельность «Временного правления» должна была закончиться утверждением нового императора и составлением проекта конституции, т. е. «Государственного уложения» (термин Сперанского). Поэтому неудивительно, что, когда 27 ноября со смертью Александра I «Россия сделалась свободна от присяги, данной самодержавию», и «представилась законность искать чего-либо в пользу отечества», Батеньков попытался подтолкнуть Сперанского к действию постановкой вопроса в Государственном совете об ограничении законами власти нового императора, т. е. Константина Павловича.⁶⁶ Надо думать, это было связано с различными вариантами плана заговорщиков, которые находились в зависимости от быстроменяющейся ситуации междуцарствия. Руководство Северного общества, стремившееся не упустить любой возможности, любых средств и путей к введению конституции, использовало армию, особенно гвардейские части и либеральных членов Государственного совета и Сената. Причем Рылеев и его сподвижники разрабатывали различные варианты своих действий в соответствии с поступающей информацией. Поэтому, получив известие о смерти Александра I, они дали указание своим членам присягать только Константину Павловичу и оказывать сопротивление любой попытке иного решения вопроса о престолонаследии.

Что касается Сперанского, то 27 ноября он так и не поставил вопрос о конституции в Государственном совете. На упрек же своего ученика он будто бы ответил: «Я один, что же мне прикажешь делать; одному мне нечего было говорить».⁶⁷ Но и после присяги императору Константину Батеньков имел долгие беседы со Сперанским, пытаясь найти возможные пути к установлению «законной» монархии. Это подтверждает версию о том, что до 9–10 декабря продолжал действовать первый вариант плана декабристов, направленный на конституционное ограничение власти

монарха мирным путем. Вероятно, именно в это время Штейнгейлем при содействии Трубецкого и Батенькова велась работа над либеральным вариантом проекта «Манифеста», согласно которому сохранялась монархия. Сам же Сперанский, по словам Батенькова, «человек осторожный и умный, от него ничего не узнаешь», даже в данный исторический момент считал «всякую мысль» об ограничении законами власти нового монарха «бесполезною и всякое покушение невозможным». ⁶⁸ Причем все результаты этих разговоров передавались Рылееву.

Весьма важными в данном контексте являются свидетельства Трубецкого в прибавлениях к его запискам: будто бы некоторые члены Государственного совета (имен он не указывал), под которыми он, вероятно, имел в виду Мордвинова и Сперанского, были готовы поддержать восставших 14 декабря при условии отказа войск присягать Николаю и вывода их из города. ⁶⁹ После объявления «Манифеста к русскому народу» (либерального толка) в свои права должно было вступить «Временное правление», назначенное высшими государственными учреждениями империи — Сенатом и Государственным советом. Эти указания Трубецкого, вероятно, отражали элементы второго варианта плана, разработанного после 9–10 декабря, когда в столице распространился слух о возможном отречении Константина Павловича и было принято решение в случае новой присяги, т. е. присяги Николаю, оказывать сопротивление, «распространить действия в полках» и вывести их на Сенатскую площадь. На месте же требовать выдачи завешания Александра I, хранящегося в Сенате и Государственном совете и будто бы содержащего обещания сократить срок военной службы до десяти лет. ⁷⁰ Главные же надежды руководителей северян возлагались на выступление гвардии и «содействие» сенаторов и советников. Причем важнейшим условием «содействия», как писал Трубецкой, будто бы поставленным и переданным советниками через Батенькова, было, «чтобы их имена остались неизвестными». ⁷¹ Однако это свидетельство о поддержке и условиях советников более никем из декабристов не подтверждается.

По мнению большинства исследователей, в конце ноября–начале декабря дом Сперанского, вероятно, являлся наиболее осведомленным в столице, а 13 декабря — уже, по-видимому, единственным, в котором знали о запланированной на 14 декабря присяге Николаю. Дело в том, что утром 13 декабря, после того как Николай Павлович накануне подписал отредактированный Сперанским манифест о своем вступлении на престол ⁷² и сообщил, что на завтрашний день намечена присяга, Михаил Михайлович по возвращении домой известил об этом Батенькова. Последний тотчас отправился к Рылееву с этой важной новостью. В седьмом часу вечера того же дня, согласно материалам следствия, к Сперанскому от тайного общества были направлены Батеньков, Краснокутский, Корнилович, которым поручалось выяснить его отношение к предстоящей присяге, уговорить его помешать ей и войти во «Временное правление». Однако им это не удалось. В тот же день поздно вечером состоялось последнее решающее совещание у Рылеева, итогом которого явилась установка на государственный переворот путем «военной революции». При его удаче «Временное правление» должно было приступить к своим обязанностям, поэтому вопрос о нем становился наиважнейшим. Между тем Батеньков, хорошо зная твердый характер своего учителя и его политические взгляды, уверял своих друзей, что Сперанский «ни во что не войдет» и «не примет в таких случаях никакого места», и даже предложил его кандидатуру заменить Трубецким. ⁷³

Что же происходило 14 декабря? Рано утром, согласно запискам Завалишина, а также следственным показаниям Батенькова и Корниловича, они оба снова побывали у Сперанского,⁷⁴ вероятно, с той же целью — повлиять на его решение в отношении присяги и Временного правительства. В восемь часов утра Сперанский поехал в Зимний дворец на принесение присяги Николаю I членами Государственного совета, состоявшееся около девяти часов, после чего ненадолго заехал домой, где встретил вернувшуюся с прогулки дочь.⁷⁵ Однако, услышав ружейную пальбу, отправился во дворец, в котором и провел весь день. Вечером, возвращаясь к себе домой, он позвал своего ближайшего сотрудника К. Г. Репинского, жившего в его доме, который и рассказал ему «все, что видел».⁷⁶

Таким образом надежда декабристов, что Сперанский, оппозиционность которого, по их мнению, носила политический и личный характер, их поддержит, не оправдалась. Да и могла ли оправдаться? Легитимист и государствовник, всю свою жизнь Сперанский содействовал усилению России путем реформ сверху и потому не мог поддержать государственный переворот в виде «военной революции» даже во имя прогресса. И в Сибири, где Сперанский с 1819 по 1821 г. занимал высшую должность генерал-губернатора, провел ревизию Сибирского края и работал над формированием новой системы его законодательства и реформой управления, и в Петербурге, где с 1821 г. был членом Государственного совета и управляющим Комиссией составления законов, главной целью его деятельности было административное и правовое укрепление российской абсолютистской государственности.

Безусловно, прежней близости с Александром I уже не было. С одной стороны, это было связано с недоверчивостью к людям и мизантропией, которые развились у императора в последний период его царствования, а с другой — с «обидой» Сперанского, что его «дело» не было рассмотрено гласно. Еще будучи пензенским губернатором, он во всеподданнейшем письме просил государя «суда и решения», которые так и не состоялись. «Ни оправданный, ни обвиненный» Сперанский «мирился» и со службой, и «с Петербургом», тем более что отношение к нему прежних коллег по государственной службе — В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова, Д. А. Гурьева и других оставалось доброжелательным. Да и со стороны императора было «милостивое внимание», выраженное в рескриптах, носящих более личный, нежели служебный характер.⁷⁷

После возвращения Сперанского в Петербург Александр I вновь приблизил его ко двору, называл «своим человеком», но важнейших государственных дел и разработку крупных преобразовательных проектов уже не поручал. И тем не менее, судя по дневниковым записям Сперанского, он весьма часто встречался с государем и имел с ним разговоры о российских недостатках и главном из них — отсутствии «способных, деловых людей», — что приводило Александра Павловича к заключению «не торопиться преобразований».⁷⁸

Да и сам Сперанский, в эту эпоху продолжая оставаться приверженцем постепенных, подготовленных «коренных» преобразований сверху, был весьма осторожен как в человеческом, так и политическом аспектах.⁷⁹ Думается, это было вполне закономерно и находило отражение в его дневнике и характеристике, данной ему Батеньковым. Так, в октябре 1821 г. Сперанский писал: «Я полагаю одно условие, установленное мною в виде заключения. Я не могу подать повод ни к какому-либо

сомнению в моих начинаниях: ибо, быв поставленный в сношения с разными людьми, я должен принимать разные выводы, не всегда могущие быть положительными». ⁸⁰ Батеньков в своих показаниях Следственной комиссии также подметил, что после возвращения «Сперанский стал осторожен... охотно обещает, но часто не исполняет., дорожит каждым словом и кажется неискренним и холодным., при появлении каждого нового лица может легко переменить свой вид». ⁸¹

И последний вопрос: почему Николай I, несмотря на причастность Сперанского к делу о тайных обществах в России, не приказал провести полноценного расследования? Ведь в фондах Следственной комиссии и Верховного уголовного суда не сохранилось никаких документов на этот счет. Между тем Николай Павлович еще в период междоусобия был уверен, что заговор против него «восходит до Государственного совета, именно до Мордвинова», ⁸² личные и служебные связи которого со Сперанским были всем известны. Когда же начались допросы, то Сперанский был в числе лиц, на которых показывали «мятежники», но «без достаточных улик». Причем чаще всего в показаниях декабристов его имя было связано с составом «Временного правления» или тактическими расчетами на влияние в высших сферах. По словам самого Николая I, «подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться». ⁸³

И все же император удовлетворился отрицательными ответами Батенькова и Трубецкого, что Сперанский не только не принадлежал, но и не знал о заговоре. Надо думать, это было связано прежде всего с задачами внутренней и внешней политики, поскольку причастность к тайному обществу членов Государственного совета для монархов ведущих европейских стран и европейского и русского общества означала кризис государственной власти в России. Кроме этого, Сперанский, по мнению Николая I, «самый дельный и самый умный» из сановников александровской плеяды, был нужен для реализации его широких планов по кодификации законов и подготовке необходимых преобразований в государственной деревне, системе финансов, местном управлении. ⁸⁴ Думается, что император и просто поверил ему. Об этом свидетельствуют слова, сказанные Николаем Павловичем 11 февраля 1839 г. в день кончины Сперанского, приехавшему с этим трагическим известием М. А. Корфу: «И я, и ты, по близким к нему отношениям, и все мы понесли потерю ужасную, неизмеримую. Сперанского не все понимали, и не все довольно умели ценить; сперва, и я сам, может быть, больше всех был виноват против него в этом отношении. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях; клевета коснулась его даже и по случаю истории 14 декабря! Но потом все эти обвинения рассыпались как пыль. Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу с огромными сведениями, с огромною опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, и клеветники умолкли». ⁸⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муравьев М.* Идея Временного правительства у декабристов и их кандидаты // Тайные общества в России в начале XIX столетия.

М., 1926; *Алданов М. А.* Сперанский и декабристы // Современные записки. Париж, 1925. Т. 26.

² Семенова А. В. 1) М. М. Сперанский и декабристы // Исторические записки. М., 1978. Т. 102; 2) Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

³ Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 7, 26–31, 46–54.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Ф. В. Ростопчин — Александру I 28 февраля и 4 марта 1812 г. (Копии начала XIX в.): ОР РНБ. Ф. 73 (А. А. Краевский). Д. 343. Л. 5–7.

⁶ Разговоры князя А. Чарторыжского с императором Александром. 26 декабря 1809 г. // Русский архив. М., 1871. № 1 (12). С. 758.

⁷ Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2: Сочинения. Иркутск, 1982. С. 148.

⁸ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. Иркутск, 1980. С. 10; Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России. С. 148–149; Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 136; Лунин М. С. Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии Государю императору в 1826 году // Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 79; Поджою А. В. Записки и письма. Иркутск, 1989. С. 95; Свистунов П. Н. Сочинения и письма. Т. 1: Сочинения и письма (1825–1840). Иркутск, 2002. С. 179, 189;

⁹ Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 139–145; см. также: Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 18.

¹⁰ Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 19.

¹¹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 148–149; Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915. С. 382–383; Лунин М. С. Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии... С. 79. Судя по письмам М. С. Лунина к сестре от 12 апреля и 2 июня 1838 г., в своей работе по истории русского законодательства он использовал и поздние труды Сперанского, в том числе «Обзорение исторических сведений о Своде законов», составленное под его руководст-

вом и вышедшее в свет в Петербурге в 1833 г. (Там же. С. 11–12, 381).

¹² Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 149–150.

¹³ М. А. Фонвизин даже был осведомлен, что «Введение к Уложению государственных законов» опубликовано в 1832 г. за границей (Там же. С. 150).

¹⁴ См. об этом: Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири. СПб., 1872.

¹⁵ Письма Г. С. Батенькова А. А. и А. П. Елагиным от 6 июня 1819 г. и 9 октября, 4 декабря 1820 г.; Ф. Ф. Риддеру от 26 июня 1819 г. (Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 1: Письма. 1813–1856. Иркутск, 1989. С. 139–142, 147–148); Свистунов П. Н. Возражения А. Е. Розену и С. В. Максимова // Свистунов П. Н. Сочинения и письма. Т. 1: Сочинения. Письма. 1825–1840. Иркутск, 2002. С. 179, 189, 194.

¹⁶ См. об этом: Чернов С. Н. Декабрист П. Ив. Пестель: Опыт личной характеристики // Чернов С. Н. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004. С. 63–182.

¹⁷ Кропотков Д. А. Несколько сведений о Рылееве // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 75.

¹⁸ Уже 6 июня 1819 г. Батеньков писал своим друзьям А. А. и А. П. Елагиным: «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова. У нас уже новый властелин, вельможа добрый, сильный, и сильный только для добра. Я говорю о генерал-губернаторе Михаиле Михайловиче Сперанском» (Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 1. С. 139).

¹⁹ Письмо Г. С. Батенькова А. А. Елагиному от 4 декабря 1820 г. (Там же. С. 148).

²⁰ Письмо Г. С. Батенькова А. А. и А. П. Елагиным от 20 августа 1825 г.: «Наши (т. е. семейство Сперанского. — Т. А.) из Ревеля вернулись, но и это не веселит: а) потому, что они за городом; б) потому, что к ним ездить некогда» (Там же. С. 200); Иванов А. И. Один из декабристов: Гавриил Степанович Батеньков (из воспоминаний старого сибиряка) // Декабристы в воспоминаниях современников. С. 167–170.

²¹ Письма Г. С. Батенькова А. П. Елагиной от 27 октября 1846 г., Е. М. Фроловой-Багревой от 12 марта 1847 г., Е. И. Елагиной от

18 февраля 1856 г., Н. Д. Свербесву от 2 мая 1856 г. (*Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 215, 220–220, 381, 499).

²² *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 19, 40, 44.

²³ На различия в последовательности кардинальных преобразований Н. И. Тургенева и Сперанского обратила внимание и А. В. Семенова (Там же. С. 24).

²⁴ *Леонович Н. Я.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 120–132.

²⁵ *Медушевский А. Н.* Конституционный вопрос в России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 4. С. 11–27; *Пустарнаков В. Ф.* Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX — начала XX в.: Различия и сходства // Либеральный консерватизм: История и современность. М., 2001. С. 14; *Андреева Т. В.* Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 41–74; *Слобожаникова В. С.* М. М. Сперанский о формах государственной власти // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1984. С. 86–91; *Осинов И. Д.* Философия политики М. М. Сперанского. СПб., 2002. С. 17–20

²⁶ В данном случае не могу присоединиться к положению А. В. Семеновой, что «План...» являлся «плодом личного творчества Сперанского, вынужденного, однако, в какой-то мере учитывать мнение Александра». См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 27.

²⁷ *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1960. С. 120.

²⁸ Там же. С. 216–222, 225–227, 231–237.

²⁹ Там же. С. 120.

³⁰ Цит. по: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 160. В этой связи тезис А. В. Семеновой, что «ограниченность крестьянских проектов Сперанского была в известной степени вызвана пониманием демагогичности всех рассуждений при дворе об отмене крепостного права», не представляется обоснованным. См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 25.

³¹ А. В. Семенова, отмечая несходство социальной программы декабристов с «предложениями Сперанского», все же считает, что их политические программы, основанные на принципе разделения властей и идее представительного правления, были схожи. См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 25, 29.

³² Восстание декабристов: Материалы и документы. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 73.

³³ См. об этом: *Чернов С. Н.* Из работ над «Зеленой книгой» // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 261–329.

³⁴ Восстание декабристов. Т. 1. С. 324; *Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России. С. 191.

³⁵ *Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России. С. 176.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 1890, 1901, 1919, 1958, 1972, 2139, 2143, 2185.

³⁷ Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов. Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. М., 1929. Т. 6 (37). С. 143.

³⁸ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 22, 178, 203.

³⁹ Восстание декабристов. Т. 1. С. 107–108. Другая публикация: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 181–182.

⁴⁰ Цит. по: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 181–182.

⁴¹ Из прибавлений к запискам С. П. Трубецкого // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 257.

⁴² Из «Воспоминаний декабриста о пережитом и перечувствованном» А. П. Беляева // Там же. С. 290.

⁴³ Из прибавлений к запискам С. П. Трубецкого // Там же. С. 257.

⁴⁴ На «здоровый консерватизм» всех кандидатов во Временное правительство и прежде всего Сперанского и Мордвинова обратила внимание В. М. Бокова, по словам которой, «в ключевых же вопросах — об образе правления и крепостном праве — всех их в отличие от „друзей 14-го“ отличал несомненный скепсис и здоровый консерватизм». Она же подчеркнула «сла-

бое присутствие намерения» у декабристов «захватить власть и править самим». См.: *Боква В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 250–253.

⁴⁵ «Есть основание считать, — пишет В. М. Боква, — что их “вылазки” во “взрослый мир” демонстрировали главным образом снисходительно-насмешливое отношение к ним тех, кого они считали своими единомышленниками» (Там же. С. 251).

⁴⁶ Из воспоминаний правителя дел Следственной комиссии А. Д. Боровкова // *Декабристы в воспоминаниях современников.* С. 299.

⁴⁷ См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 45–46.

⁴⁸ Восстание декабристов. М., 1980. Т. 15. С. 228, 231, 252.

⁴⁹ Восстание декабристов. Т. 1. С. 344, 374.

⁵⁰ К этому тексту имеется примечание С. П. Трубецкого: «Из дворца нельзя было видеть» (Из записок В. И. Штейнгеля // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. С. 317).

⁵¹ Там же.

⁵² Из «Записок декабриста» Д. И. Завалишина // Там же. С. 345–346.

⁵³ Там же. С. 346.

⁵⁴ *Фонвизин М. А.* Обзорные проявления политической жизни в России. С. 191.

⁵⁵ *Кропотов Д. А.* Несколько сведений о Рылееве. С. 75.

⁵⁶ Подписки Сперанского в 1822 и 1826 годах о непринадлежности к тайным обществам (ОР РНБ. Ф. 731. (М. М. Сперанский). Д. 2143. Л. 3–10).

⁵⁷ Восстание декабристов. М., 1978. Т. 14. С. 94.

⁵⁸ В следственных показаниях Г. С. Батеньков говорил: «К Сперанскому едва мог добиться с делами, ибо он окружен был большою толпой и более жил в Царском Селе, куда ездил я только в собрания Сибирского комитета... В течение зимы 1821–1822 мы виделись только по четвергам пред собранием и в собрании Сибирского комитета» (Там же. С. 142). Это подтверждается словами Батенькова в письме С. Т. Аргамакову от 25 ноября

1821 г.: «Побывать у людей знатных и сильных часто значит потерять целый день» (*Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 161–162).

⁵⁹ Восстание декабристов. Т. 14. С. 95.

⁶⁰ Там же; см. также: *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 1. С. 50.

⁶¹ Восстание декабристов. Т. 14. С. 92.

⁶² Там же. С. 82–84, 96; см. также: *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. С. 39–41.

⁶³ *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. С. 40.

⁶⁴ Восстание декабристов. Т. 14. С. 96; *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. С. 42–45, 61.

⁶⁵ См. об этом: *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. С. 50–51.

⁶⁶ Восстание декабристов. Т. 14. С. 80, 99.

⁶⁷ Там же; *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 46–47; *Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 56–57.

⁶⁸ Восстание декабристов. Т. 14. С. 80, 99, 102.

⁶⁹ Из прибавлений к запискам С. П. Трубецкого. С. 257.

⁷⁰ Восстание декабристов. Т. 2. С. 390; Т. 14. С. 390.

⁷¹ Из прибавлений к запискам С. П. Трубецкого. С. 257.

⁷² Кроме данного манифеста Сперанский был редактором важнейших манифестов нового царствования, написанных самим Николаем I — от 19 декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г.

⁷³ Восстание декабристов. Т. 14. С. 85, 92, 100; *Брегман А. А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. С. 63–66.

⁷⁴ Восстание декабристов. Т. 12. С. 107; Т. 14. С. 80.

⁷⁵ Из книги В. Дюре «Русский портрет: Творчество и „Книга женщины” г-жи Багреевой-Сперанской» (14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. С. 442).

⁷⁶ Из заметок Николая I на рукописи книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го» (14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. С. 49).

⁷⁷ М. М. Сперанский — В. П. Кочубею 21 сентября 1818 г. (ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 1890. Л. 2–6).

⁷⁸ Дневник М. М. Сперанского с марта 1821 по апрель 1828 г. Июнь 1821 г. (Там же. Д. 42. Л. 3–3 об., 18).

⁷⁹ М. М. Сперанский — В. П. Кочубею 21 сентября 1818 г. (Там же. Д. 1890. Л. 8 об.).

⁸⁰ Дневник М. М. Сперанского с марта 1821 по апрель 1828 гг. Июнь 1821 г. (Там же. Д. 42. Л. 18 об.).

⁸¹ Восстание декабристов. Т. 14. С. 143, 145.

⁸² Междуцарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года // Русская старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 168–169.

⁸³ Из записок Николая I. Из четвертой тетради (14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. С. 47).

⁸⁴ На это обратила внимание А. В. Семенова. См.: Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 54.

⁸⁵ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 74–76.

Е. Л. Рудницкая

ПРОСВЕЩЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО СОЗНАНИЯ

Проблема становления русской интеллигенции — часть кардинальной для русской истории проблемы, которая обозначается как «русское Просвещение — русская революция». Ключевой фигурой, стоящей у истоков этой проблемы, является Н. М. Карамзин. Именно он попытался приложить отвлеченный идеал к русской действительности. Идеал пришел в столкновение с ней. Продолжением этого столкновения стало для Карамзина создание мифа о России: теперь он подставил под этот идеал русскую историю и создал утопию, идеологию, позволяющую преодолеть, «снять» дурную действительность. Так им конструируется консервативная идеология, которая по своему типу становится образцом для всей последующей русской культуры. Ее суть — сочетание различных культур: «традиционной» и современной (культуры Просвещения).

Русская культура, русское Просвещение соединили в себе миф о России и миф о Западе и определили природу исторического субъекта, носителя русской культуры — русской интеллигенции. В далекой перспективе именно она подготовила революцию.¹

Однако начало формирования этого исторического субъекта, типа сознания — созданной Карамзиным модели независимого человека, которую впитала в себя русская интеллигенция, — далеко отстояло от идеи революции. Скорее, генезис интеллигенции связан с противостоянием этой идее. По времени он совпадает с декабризмом.

Совпадение это не случайно. Оно порождено самым смыслом декабризма, его исторической сущностью. Декабризм был крупной вехой «петровского периода русской истории», ее движения по пути, начатому Петром, овладения источниками и средствами духовной и материальной силы европейских народов.

Именно волевой характер исторического акта Петра определил пути и средства первоначального движения России в направлении к Европе. Декабризм в этом смысле как бы завершил начатую Петром «революцию сверху». «Революционера на троне», говоря словами Герцена, сменили революционеры из дворянской элиты. Между обозначенными